

УДК 327:94(38)

О ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В АНТИЧНОЙ ГРЕЦИИ

А. Дононбаев

Раскрыты некоторые особенности политической культуры международных отношений античной Греции в сопоставлении с другими сферами общественной жизни.

Ключевые слова: политическая культура; политическая культура международных отношений; политическая институционализация; коллективистская и индивидуалистическая ориентации.

POLITICAL CULTURE OF INTERNATIONAL RELATIONSHIPS IN ANCIENT GREECE

A. Dononbaev

It is opened some features of the political culture of international relationships in ancient Greece through the prism of various factors of social life.

Keywords: political culture; political culture of international relations; political institutionalization; collectivistic and individualistic orientations.

Ход греко-персидских войн (490–449 гг. до н. э.), растянувшийся на 40 лет, ясно показал, что существующим самостоятельно греческим полисам-государствам не удастся разрозненными силами одолеть мощного врага и лишь объединившись, создав крепкий союз, возможно, довести войну до победоносного завершения. Поэтому, когда военные операции в основном перешли на море, греческие союзники предложили Афинам взять на себя верховное командование, как государству, имеющему сильный флот. Так, в течение 478–477 гг. образовался Делосский, или Афинский, морской союз. Правда, еще раньше, в VI в. до н. э. олигархическая Спарта основала Пелопоннесскую лигу государств, объединяющей в своих рядах в основном консервативно-аристократические гражданские общины Южной Греции. Афины, сыгравшие решающую роль в предыдущих победах над персами, признавались гегемоном нового союза. Число государств, вошедших в Морской союз, колебалось от 200 до 400 членов. Он подчинял своему влиянию все греческое побережье и острова Эгейского моря. Он имел свою казну, вначале находившуюся на острове Делос, а позже перенесенную в Афины. Каждый участник обязан был ежегодно вносить в казну взносы (форос), размер которых зависел от состоятельности государства. Предполагалось, что каждый год в союзную казну будет поступать 460

талантов. Афины освобождались от взносов, но брали на себя обязательство выставлять свой флот и воинов в случае грозящей союзникам опасности. Но и другие участники были обязаны во время военных походов поставлять войска и корабли. Союзный совет, называвшийся синодом, в котором каждое государство имело один голос, проводил свои заседания на Делосе. Добровольно вошедшие в союз полисы, видимо, надеялись, что демократические Афины, где между членами гражданской общины господствовал дух равенства и свободы, перенесут этот принцип на деятельность новой всегреческой организации.

Однако эти надежды оказались нереальными. Когда прямая угроза вторжения персов на греческую землю окончательно отпала, многие государства, участники союза, хотели сбросить с плеч принятые обязательства. Но афиняне жестко подавляли такие устремления и силой взымали взносы. Это давало им возможность беспрепятственно наказывать всех тех, кто не подчинялся их воле. А такие появлялись все чаще. Остров Наксос попытался выйти из союза и был жестоко повержен, а затем силой подчинен. Следующим оказался остров Фасос, располагающийся недалеко от фракийского побережья. Жители острова стали подозревать афинян в том, что они жаждут завладеть ими и взялись за оружие. Выйдя из состава союза,

жители Фасоса восстали. Однако весной 463 г. до н. э. они потерпели поражение и капитулировали. Афинам достались громадные богатства – золотые и серебряные прииски, торговые фактории на фракийском побережье, принадлежавшие до этого фасосцам. Ежегодный доход от приисков достигал от 200 до 300 талантов. К тому же на этом побережье пересекались многие торговые дороги, идущие из разных стран.

Эллины все больше начинали понимать, что вступив в Морской союз, стали заложниками в эгоцентрической и агрессивной политике афинян. Сами же Афины еще не видели, что из гегемона превращаются в тирана эллинских народов. До них еще не дошло, что их империалистическая политика в Морском союзе напоминает разговор не равноправных партнеров, а диалог между властителем и подданными. Хорошее начало – оформление политического единства эллинских полисов, обещающего в дальнейшем при самом благоприятном стечении обстоятельств, стать основой всегреческого единого государства – не имело удовлетворительного продолжения и, к сожалению, увенчалось дурным концом. Великолепная идея была похоронена омерзительной практикой. Эта практика, выросшая на почве великодержавия, эгоизма, корыстности, жадности афинского народа, стала главным направлением политической деятельности честолюбивых, но не прозорливых демократических лидеров. В свою очередь, эти лидеры своими призывами и действиями возбуждали в толпах афинян ненасытную жадность и жажду обогащения.

Внимательного читателя не может не удивлять скоро происшедшая трансформация политической ориентации афинской демократии. Ведь только недавно эллины во главе с афинянами, твердо придерживаясь одной политической линии, сумели сокрушить общего врага – персов. Но сегодня эллины не с меньшей жестокостью раздирали друг друга. И в этом задают тон главным образом те, кто должен более всех стремиться сберечь общеэллинское согласие. Афиняне, на словах провозглашая принцип общеэллинского единства, на практике неизменно преследуют свою выгоду, в ущерб интересам других эллинских государств. Такая политика не могла не увеличивать число афинских врагов. Следовательно, мы сталкиваемся здесь с двойственностью природы афинской демократии. Афинский гражданский коллективизм – явление сугубо корпоративное. Корпоративное сознание действует в двух плоскостях. Одна плоскость объединяет всех тех, кого такое сознание причисляет к категории “мы”. С точки зрения афинского гражданского сознания, к “мы” относятся, прежде всего, афиняне. Преобладающая роль такого со-

знания явно проявилась в принятии закона, когда у руля государства находился Перикл. Согласно этому закону, полноправными гражданами признавались лишь те, чьи родители, отец и мать, были афинянами. Наплыв чужеземцев, а также постоянное соприкосновение во время дальних военных походов и торговых путешествий приводили к тому, что смешанных браков афинян становилось все больше. Но чем больше благ и привилегий предоставляла афинская демократия, тем меньше народ желал допускать в свой круг чужих людей. Афиняне смотрели на свое государство как на торговое предприятие, доходы от которого должны доставаться только им. И лишь после этого категория “мы” может охватывать эллинов, живущих в других полисах. Мера причисления всех эллинов к категории “мы” возрастает в периоды борьбы против внешних агрессоров. Например, общеэллинское сознание значительно возросло в годы войны с Персией. Но после греко-персидских войн, когда внутриэллинские противоречия и конфликты вновь вышли на передний край, категория “мы” объединяется с полисным сознанием. Другая плоскость соединяет всех тех, кто относится к категории “они”. “Они” могут быть в зависимости от ситуации самыми разными. К этой категории можно отнести рабов, варваров. Если складывается такая обстановка, то к “ним” могут быть причислены и эллины других государств. Причем корпоративным сознанием характеризуются не только Афины, но и все другие полисы. Иначе говоря, корпоративизм мышления вытекает из реалий существования многочисленных городов-государств. В данном конкретном случае этот корпоративизм еще более обострялся непрерывно растущим социальным и политическим эгоизмом интересов афинского гражданства. Здесь мы видим действие двойного стандарта. Во-первых, внутри родной общины афинянин в своем сознании и поведении придерживается правил и принципов политической культуры “гражданственности”. Во-вторых, во внешнем мире, за пределами гражданской общины, эта культура не может быть использована. Здесь в большинстве случаев исходной точкой является сознание и поведение афинянина в соответствии с правилами и принципами культуры “подданничества”. Причем надо видеть содержательные перемены, происходящие в политической культуре, при переходе из внутреннего во внешний контекст. Так, распространение культуры “гражданственности” из сферы внутренней жизни в сферу жизни внешней ведет к становлению культуры “партнерства” участников международного общения. Культура “подданничества”, переброшенная из внутреннего во внешний мир, трансформируется в культуру

“подчинения” одних участников другим в процессе международного общения. Следовательно, в международном общении со своими близкими и отдаленными соседями афинское гражданское общество в принципе могло отталкиваться из двух противостоящих типов политической культуры: “партнерства” или “подчинения”. Конечно же, нельзя отрицать, что в античной Греции вообще, в афинском государстве в частности, не было никакой почвы для становления культуры “партнерских отношений”. Культура “партнерства” существовала и развивалась. Но она являлась не стержневой линией в гражданской культуре античных полисов. Движение по пути культуры “партнерства” было возможным, но нереальным в тогдашних античных условиях. Нереальным оно являлось потому, что античные государства в таком случае должны были измениться в своей сущности, превратиться из рабовладельческих в нерабовладельческих. Рабовладельческая демократия Афин должна была стать нерабовладельческой. Как подчеркивалось ранее, античный путь рабовладения заключался в превращении купленных или взятых в плен чужеземцев в рабов. Могло ли рабовладельческое гражданское общество в Афинах в корне изменить свою социально-экономическую суть? Разумеется, это не было реальным.

Вообще афинянин выступает в трех ипостасях (лицах): он гражданин, частное лицо и подданный. Практика реализации принципов равенства и свободы внутри афинской общины превращает культуру “гражданственности” в определяющий механизм регулирования взаимоотношений людей. Но и здесь, поскольку равенство и свобода ограничены определенными рамками и демократия выражается в подчинении меньшинства большинству, личности обществу, постольку используются элементы культуры “подданничества”. Конкретно это противоречие проявляется в действии соционормативных культур “интереса” и “принуждения”. Афинянин действует в соответствии со своим интересом. Он свободен и имеет равные права с другими в преследовании своего интереса. Однако если этот интерес приходит в противоречие с установленными правилами и принципами полисной жизни, то в отношении его уже действует принуждение. Признаки и черты политического сознания и поведения, характеризующие отношение афинян к другим эллинам как к своим подданным, усиливались по мере возрастания их великодержавной роли в общегреческих делах. Иначе говоря, принцип коллективизма, равенства и свободы в античной культуре “гражданственности” распространяется лишь в пределах собственного маленького города-государства. Именно этим, по-

жалуй, объясняется то немаловажное обстоятельство, что даже в период общей борьбы против персов не все эллинские государства были на стороне греков. Общеэллинское патриотическое сознание в силу указанных здесь факторов не перерастало в общенациональное самосознание. Лишь единое государство могло постепенно привести к формированию национальной общности. Конечно, в конкретных условиях той эпохи такая задача не могла быть заявлена на повестке дня. Но Афины реально могли сделать в этом направлении первые шаги. Многие причины не давали возможности это сделать и, в первую очередь, необузданный афинский социальный и политический эгоизм. Со временем их разрастающийся эгоцентризм разрушил установившийся баланс сил и интересов в полисном сообществе. Все чаще афиняне в своей межэллинской политике забывают об интересах других и применяют силу. Но всякое действие силы вызывает ответное противодействие. И это, естественно, нарушало существующее в полисном мире равновесие.

Прежние героические идеалы, суровые, но красивые, простые и ясные, которые имели значение еще в начале V в. до н. э., теперь были отброшены и забыты. Нравственно-психологический климат афинской жизни уже был иным. Многие афиняне купались в роскоши, богатстве. Приток золота и других ценностей превращал афинян в самодовольных и эгоцентрических людей, смотрящих на других эллинов с позиции выгоды. Происходят коренные изменения в нравственном состоянии и психологическом настрое афинского народа. “Неизменно богатевшие рабовладельческие Афины, – с горькой иронией замечает А.Ф. Лосев, – жили грабительскими войнами, погоней за барышами, новыми территориями. На гнилой почве вырождавшейся демократии зародились крайний индивидуализм, всегдашняя уверенность в себе, эгоизм и жажда власти” [1, с.13–14].

Политика, искусство разумно возможного, превращалась в заложницу все растущей алчности афинян, теряла трезвые и разумные начала. Афинское гражданское общество являлось нравственно больным. Справедливости ради нужно сказать, что этим недугом страдал уже весь полисный мир.

В Афинах того времени не было бюрократического аппарата в общепринятом смысле. Но все равно коррупция и здесь пустила свои глубокие корни. Афиняне отличали Перикла от других государственных мужей и за то, что он не был корыстолюбив, старался быть честен и чист. Но многие политические деятели погрязли в разврате и махинациях. Для исторического сравнения полезно напомнить, что в древнем Китае в эпоху Хань (III в. до н. э. –

III в. н. э.) специальным императорским указом строго запрещалось должностным лицам совмещать государственную службу с предпринимательской деятельностью. Уже в то время древние китайцы отдавали себе отчет в пагубном воздействии на деятельность государственного аппарата и управленческих институтов практики совмещения политических и экономических функций. От служащих требовали соблюдения кодекса чести, предписывавшего им “жить только на жалованье”, “не пахать” и “не бороться за выгоду с народом” [2].

Сама государственная служба занимала высшую ступень в системе ценностных ориентаций людей в традиционном китайском обществе. Сохранение чистого морального облика становится одним из важнейших критериев оценки деятельности чиновника. И это обстоятельство накидывало некую узду на проявление алчности, корысти, жадности чиновного люда. Конечно, этот фактор не мог окончательно укоротить коррупцию, она всегда имела место в китайском обществе, но важно то, что политический курс страны, пожалуй, почти не подпадал под влияние корыстных экономических appetites власть предержащих. Нажива, погоня за богатством, расчетливый, но и слепой эгоизм не становились стержнем самой государственной политики. Поскольку в античной Греции классического периода такой четко разграничивающей черты между государственной службой и предпринимательской деятельностью не проводится, постольку разложение людей приняло скоротечную форму. Трагическую суть этих перевоплощений понял еще Фукидид и отразил в своей “Истории Пелопоннесской войны” [3].

Итак, во второй половине V в. до н. э. совершается метаморфоза в душах и помыслах афинских граждан. Они стремились иметь и владеть. Но где граница этого желанья, в каком пределе истощается неуемная человеческая жажда?

Когда мы пытаемся проникнуть в глубины исторических явлений, то неизбежно наталкиваемся на сцепление благородных целей и низменных средств, корыстных побуждений и прогрессивных достижений, дурного и хорошего и т. д. Недаром, уже много позже, Гегель обозначает зло движущим мотивом исторического прогресса. Однако Фукидид, в конечном счете, волнует вопрос: какова мера созидательного и разрушительного начал в природе человека? Почему стремление к выгоде, овладевшее самой натурой афинян в конце концов привело к Пелопоннесской войне и в дальнейшем к разложению и крушению полисного мира? Почему зло восторжествовало над добром?

На эти вопросы прозорливый историк не находит удовлетворяющего его ответа. Фукидид

показывает, что чем дальше время продвигалось к Пелопоннесской войне, тем сильнее усугублялись конфликты в Морском союзе, интересы Афин все чаще расходились с интересами союзных государств, и тем больше возрастали в этих обостряющихся условиях афинские appetites и амбиции. Вследствие этого на место героического скромного защитника старого мелкого свободного демократического полиса приходит алчный и необузданный в своих устремлениях, жаждущий овладеть всем миром, честолюбивый афинянин.

В начале 30-х гг. V в. до н. э. эта ситуация уже полностью прояснилась. Великодержавная политика Афин постепенно втягивала греческие государства в орбиту все более обостряющихся и усложняющихся конфликтов. Они вели к развалу полисного мира. Изначально добровольно вступавшие в Морской союз государства, теперь удерживались в его орбите лишь насилем и страхом. Эллинов, живущих в этих государствах, угнетало не столько сознание того, что они экономически страдают, выплачивая форос и неся иные траты, сколько то, что они оказались в политической зависимости. Если мы не можем чеканить свою монету, решаем наши дела в Афинах, то где же равноправие? Кто худший тиран: персидский царь или афинский народ?

Пелопоннесская война (431–404 гг. до н. э.) развернулась между двумя державами, Спартой и Афинами, но в нее оказался втянутым почти весь полисный мир. Все скрытые конфликты, разедавшие исподволь организм античного общества, вышли наружу и проявили себя со всей своей омерзительной полнотой. Всякая война ведет к разрушениям. Но в истории бывали не раз такие войны, в процессе которых складывался творческий импульс к созиданию, вдохновлявший людей на последующие благотворные преобразования. Пелопоннесская война явилась лишь мощным разрушительным звеном в общей цепи кризисных явлений, охвативших античный мир в период заката классического полиса, способствовавшим усилению в дальнейшем набиравших силу конфликтов и приведшим в конечном итоге к полнейшему крушению древнегреческой цивилизации. В ней можно выделить два аспекта. Первый – это театр военных действий. Второй – театр гражданских действий. Так вот, эти гражданские действия были не менее, а может и более разрушительными, чем чисто военные действия. Военные столкновения между Морским союзом и Пелопоннесской лигой тесно смыкаются с непрерывными гражданскими смутами и распрями.

В этой связи историки, описывающие Пелопоннесскую войну, считают ее не просто крупнейшим столкновением демократической и олигархической

политической и социальной систем, но глобальным конфликтом, резко и окончательно нарушившим равновесие междоусобной и межполисной жизни. После войны античное сообщество уже не смогло восстановить то мирное сосуществование, которое было до нее. Именно поэтому она воспринималась уже современниками как событие катастрофического характера, как небывалое бедствие, имевшее роковые следствия для системы общественной жизни всего эллинского мира [4].

Литература

1. *Лосев А.Ф.* Жизненный и творческий путь Платона / А.Ф. Лосев // Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1 / . М., 1994.
2. Хань шу (История династии Хань) / сост. Бань Гу // Эршиси ши. Т. 2. Шанхай.
3. *Фукидид.* История. Т. 1–11 / Фукидид. М., 1915.
4. *Ленцман Я.А.* Пелопоннесская война / Я.А. Ленцман // Древняя Греция. М., 1956.